

СЕРБИЈА ВОЈНА

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ

УБИЙСТВО, РАЗВЯЗАВШЕЕ ВОЙНУ

Грег Кинг
Сью Вулманс
**Первая мировая. Убийство,
развязавшее войну**

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6888650
Первая мировая. Убийство, развязавшее войну: АСТ; М.; 2014
ISBN 978-5-17-080052-0

Аннотация

Книга «Убийство, развязавшее войну» вновь обращает читателя к событиям 1914 г., когда две пули, выпущенные сербским националистом Гаврило Принципом в Сараево, унесли жизни Франца Фердинанда и Софии Хотек. С того рокового дня прошел уже целый век. Какое другое событие, кажущееся случайным, на протяжении последнего столетия так повлияло на нашу современность? Эти две пули не только положили конец жизням Франца Фердинанда и Софии: они стали катализатором мировой войны и всех ужасов, которые вместе с ней последовали. Если бы не было Сараево, произошли бы русская революция, Вторая мировая война и «холодная война»?

Содержание

Благодарности	4
Примечание автора	7
Введение	8
Глава I	20
Глава II	28
Глава III	37
Глава IV	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Сью Вулманс, Грег Кинг Первая мировая. Убийство, развязавшее войну

Благодарности

Мы благодарны разрешению Ее Величества королевы Елизаветы II на публикацию материалов из Королевского архива. Мы также хотели бы поблагодарить архивариуса Королевского архива Памелу Кларк (*Pamela Clarke*) и ее сотрудников за их помощь и хорошее чувство юмора; Лизу Хайвэй (*Lisa Heighway*) — хранителя фотографий Королевской коллекции, терпеливо отвечавшей на все наши запросы.

Его Светлость Георг, герцог Гогенберг, милостиво предоставил нам возможность доступа к архиву *Nachlass Erzherzog Franz Ferdinand* в Австрийском государственном архиве в Вене, который включает в себя письма и документы его деда, эрцгерцога Франца Фердинанда. Мы также благодарим Его Высочество принца Альбрехта Гогенберга за то, что он поделился с нами воспоминаниями о своей семье.

Ее Высочество принцесса Анита Гогенберг любезно дала нам интервью и предоставила неограниченный доступ к Музею эрцгерцога Франца Фердинанда в Артштеттене и разрешила нам использовать материалы из своего личного архива. Мы искренне ценим ее помощь в работе над этой книгой. Мы также должны поблагодарить и сотрудницу музея Бриджит Э. Ледвейн (*Brigitte E. Leidwein*) за ее консультации, терпеливые ответы на наши вопросы и поиск архивных материалов.

Постоянную поддержку и помощь мы получали от Ее Высочества принцессы Софи Гогенберг и ее мужа барона Жана-Луи де Потеста (*Jean-Louis de Potesta*). Принцесса Софи оказалась неутомимым сторонником идеи этой книги и щедро делилась с нами знаниями о своей семье. Мы очень благодарны им, и эта книга, несомненно, была бы беднее без проявленной ими щедрости и неизменной заинтересованности.

Неоценимый вклад внес австрийский ученый по эпохе Франца Фердинанда профессор д-р Владимир Айхельбург (*Wladimir Aichelburg*). Он щедро делился с нами своими знаниями и прояснил многие моменты, которые могли бы без его участия привести к ошибкам в книге. Мы выражаем ему глубочайшую нашу признательность.

В ходе нашего исследования и написания этой книги нам помогали очень многие люди. Карен Рот (*Karen Roth*) потратила многие часы на перевод для нас материалов для книги и стала лучшим другом авторов, она заслужила нашу искреннюю благодарность. Джанет Эштон (*Janet Ashton*) предоставила нам важные исследовательские материалы, а ее резкие критические замечания очень помогли нам. Мы очень ценим все мысли, которыми она с нами поделилась, чтобы сделать эту книгу лучше. Пенни Уилсон (*Penny Wilson*) прочитала рукопись книги несколько раз и внесла ряд важных правок, благодаря которым общая идея книги не ушла далеко в сторону, особенно в тех местах, где приводились излишние подробности. Джаннин Эванс (*Jeannine Evans*) также читала рукопись и внесла полезные коррективы и поделилась ценными замечаниями. Хочется отдельно выделить Марка Андерсона (*Mark Andersen*), у которого мы консультировались по многим неясным моментам и благодаря которому наше исследование стало более полным. Его дружба по-настоящему ценна. И хочется сказать спасибо Х. Майку Пайлсу за его бескорыстную помощь при завершении работы над книгой.

Наш агент Дори Симмондс (*Dorie Simmonds*) с увлечением ухватился за идею этой книги и поддерживал нас на протяжении длительного и порой непростого периода ее создания. Чарльз Спайсер (*Charles Spicer*), наш издатель из *St. Martin's Press*, твердо верил в эту книгу и помогал нам довести ее до конца. Эйприл Осборн (*April Osborn*), помощник редактора из *St. Martin's Press*, направляла рукопись к завершению и терпеливо разбиралась с возникающими вопросами.

Множество людей поделились с нами важными архивными документами, частными материалами и терпеливо отвечали на наши вопросы в ходе написания этой книги. Мы выражаем благодарность профессору Фрэнсису Рою Бриджу (*Francis Roy Bridge*); Милене Курралл (*Milena Currall*) из архива Брезно (бывшего земельного владения Гогенбергов *Grosspriessen*), в Чешской Республике; Фрэнсису Даймонду (*Frances Dimond*) из Королевского архива Виндзора; доктору Сюзанне Гласс (*Susanne Glass*), журналистке ARD по Австрии и Юго-Востоной Европе (*ARD-Korrespondentin für Österreich und Südosteuropa*); доктору Кристофу Гатчеку (*Christoph Hatschek*), директору Венского военно-исторического музея; Дебби Хопкинсон (*Debbie Hopkinson*) из отдела рукописей и особых коллекций Ноттингемского университета; Гарету Хьюзу (*Gareth Hughes*), управляющему Портландской коллекции; Алистеру Хатчинсону (*Alastair Hutchinson*) из юридического бюро Хатчинсона; барону Виктору Кучина фон Шванбургу (*Viktor Kuchina von Schwanburg*); Альберту Кноллу (*Albert Knoll*) из архива Дахау; Рикардо Матеоса Сайнс де Медрано (*Ricardo Mateos Sainz de Medrano*); профессору Илане Миллер (*Ilana Miller*) из Университета Пеппердина, Калифорния; профессору Полу Миллеру (*Paul Miller*) и Марии Кюри (*Marie Curie*) из Бирмингемского университета; Шимону Позимски (*Szymon Pozimski*) из колледжа Сент-Питера, Оксфорд; профессору Джону Ролу (*John Röhl*); Яну Шапиро (*Ian Shapiro*) из *Argyll Etkin*; Ёржи Смитке (*Jiri Smitka*), руководителю отдела семейных архивов Государственного областного архива, Прага; д-ру Артуру Стогманну (*Arthur Stögmann*), архив и библиотека Княжеской коллекции, Лихтенштейн; *Fürstliche Sammlungen Art Service GmbH & Co OG*; Стивену Салливану (*Stephen Sullivan*), библиотечному консультанту, Уорксопская библиотека, Ноттингемшир; Ричарду Торнтону (*Richard Thornton*), *Royal Weekend*, Тисхерст, Сассекс; Ульрику Польницкому (*Ulrike Polnitzky*) и персоналу Архива визуальной информации, Австрийская национальная библиотека.

Мы ценим помощь и поддержку сотрудников публичных библиотек Бекслихета и Уэллинга; отдельная благодарность — Елене Кларк (*Elena Clark*). Мы благодарим сотрудников Британской библиотеки и секции периодической печати Колиндейла; персонал библиотек *Suzzallo* и *Allen* университета Вашингтона в Сиэтле и сотрудников публичной библиотеки Эверетт.

Многие жители Сараево оказывали нам всяческую поддержку в ходе нашего исследования. Хотелось бы отдельно отметить Зинаиду Иларию (*Zenaida Ilaria*) и Саню Хреля (*Sanja Hrelja*) из агентства *ZPR Agency* в Сараево; Нермину Летиц (*Nermina Letic*); Авдио Мирсад (*Avdio Mirsad*) из *Muzejski Sarajctisik*; д-ра Ивана Удовичича (*Ivan Udovicic*), директора Галереи искусств Боснии и Герцеговины, Сараево.

Мы также выражаем большую благодарность за поддержку, энтузиазм и понимание нашим друзьям и коллегам — это: Боб Ачисон (*Bob Achison*); Аннет Баккер (*Annet Bakker*), владелица книжного магазина из Нидерландов; Диана и Ник де Курси (*Diana and Nick de Courcy*), Ирландия; профессор Джо Фурманн (*Joe Fuhrmann*); Филипп Гудман (*Philip Goodman*); Корин Холл (*Coryne Hall*); Дорис Холлоуэй (*Doris Holloway*); Поль Куликовский (*Paul Kulikovsky*); Джо Литтл (*Joe Little*) из *Majesty Magazine*; Джеки Лиис (*Jackie Lees*); Фрэнк и Катрина Леннокс-Миллард (*Frank and Katrina Lennox-Millard*); Диана Мандаке (*Diana Mandache*); Джудит Маркуисс (*Judith Marquiss*); Сюзанна Месланс (*Susanne Meslans*); Роб Мошейн (*Rob Moshein*); Кэрол Маллиндер (*Carol Mullinder*); Робин Олсен

(*Robin Olsen*); Ховард Прайс (*Howard Price*); Стелла Рамсден (*Stella Ramsden*); Тед Росваль (*Ted Rosvall*) из *Rosvall Royal Books*; Тони Рот (*Tony Roth*); Дебра Тейт (*Debra Tate*); Кристоф Вахаудес (*Christophe Vachaudes*); Марианна Тиринк (*Marianne Teerink*); Мэй Вах Юн (*Mei Wah Yung*); Мэнди Вонг (*Mandy Wong*) и Джон Уимблс (*John Wimbles*).

Сью Вулманс выражает свою признательность коллегам по работе, это замечательные специалисты: Джайлс Аспен (*Giles Aspen*), Салли Брабен (*Sally Braben*), Хелен Кук (*Helen Cook*), Найджел Дикс (*Nigel Dix*), Шерил Габриэль (*Cheryl Gabriel*), Стив Гринвуд (*Steve Greenwood*), Гэйл Гордон (*Gayl Gordon*), Колин Грант (*Colin Grant*), Эмма Харт (*Emma Harth*), Сара Хокли (*Sarah Hockley*), Вик Кент (*Vic Kent*), Джейн Лоуренс (*Jane Lawrence*), Хелен Ли (*Helen Lee*), Марк Лоуэн (*Mark Lowen*), Джеки Маргерум (*Jackie Margerum*), Боб Нетлесс (*Bob Nettles*), Джо Парсонс (*Jo Parsons*), Пит Ролингс (*Pete Rawlings*), Дэйв Робинсон (*Dave Robinson*), Майк Шервуд (*Mike Sherwood*) и Тони Уорд (*Tony Ward*).

Традиционно Грег Кинг благодарит своих родителей Роджера и Елену Кинг (*Roger and Helena King*) за их постоянную поддержку и веру. И последнее, но не менее важное — Сью Вулманс благодарит своего мужа Майка Вулманса (*Mike Woolmans*) за его долготерпение. Его игнорировали, морили голодом, и он был совсем позаброшен в процессе написания книги. А в свой медовый месяц он был обманом затянута в посещение дворцов Габсбургов! Но он бесконечно поддерживал нас обоих. Он заслужил мою благодарность и любовь!

Грег Кинг, Сью Вулманс, август 2012 г.

Примечание автора

В этой книге читатели могут столкнуться с некоторыми необычными и непривычными понятиями и определениями. В 1863–1875 гг. Франц Фердинанд был известен как эрцгерцог Австро-Венгрии Франц Фердинанд; после 1875 г. он стал эрцгерцогом Францем Фердинандом д'Эсте (последняя часть имени добавилась как наследство от герцога Модены). После 1896 г. он известен также по эпитету «*Thronfolger*», или «Наследник престола». Франц Фердинанд никогда не был наследным принцем (*Kronprinz* (нем.) — кронпринц. — *Прим. пер.*).

Также особого внимания заслуживают многочисленные изменения в титулах Софии на протяжении всей этой книги. Урожденная графиня София Хотек (*Sophie Chotek*) после брака в 1900 г. с Францем Фердинандом получила титул принцессы Гогенберг (*Fürstin von Hohenberg*) в стиле *Fürstliche Gnaden*; это обращение не эквивалентно обращению к королевской особе «Ваше Высочество», но, скорее, соответствует английскому аналогу обращения «Ваша Светлость». Эти титул и форма обращения перешли к ее потомкам. 8 июня 1905 г. император Франц Иосиф пожаловал Софии и ее детям титул «Ваша Светлость» («*Ihre Durchlaucht*»), который возвысил их из простых аристократов до нижнего ранга королевской семьи. В 1909 г. София была возведена в ранг герцогини Гогенберг (*Herzogin von Hohenberg*) с соответствующим этому титулу обращением «Ваше Высочество» («*Ihre Hoheit*»). В Австрии герцогиня занимала более высокое положение в табели о рангах, чем принцесса, а титул «*Ihre Hoheit*», или «Ваше Высочество», указывал на более высокое положение в королевской семье, чем титул «*Fürstliche Gnaden*» («Ваше Величество»), которого София удостоилась после своей свадьбы.

Император Карл пожаловал старшему сыну Максу наследственный титул герцога Гогенберга (*Herzog von Hohenberg*) с титулами принца и принцессы для его детей. В 1917 г. он также удостоил Макса королевского обращения «Ваше Высочество» («*Ihre Hoheit*»). Таким образом, среди австрийской наследственной аристократии возник новый герцогский дом Гогенбергов. После революции 1918 г. новая Австрийская Республика лишила всех аристократов их прежних титулов. Для сохранения точности на страницах этой книги мы использовали соответствующие дворянские титулы. Например, Георг, старший внук Франца Фердинанда, именуется как Георг, герцог Гогенберг, хотя формально Австрийским государством этот титул не признается. Мы сделали так вместо того, чтобы использовать курьезные и замысловатые эпитеты, что представляется нам вполне разумным.

В названиях мы применяли немецкие наименования мест, которые были при жизни Франца Фердинанда и Софии. Например, для замка в Чехии — Конопишт (*Konopischt*), а не Конопиште (*Konopište*), которое употребляют в современной Чехии. Там, где это особенно важно, мы приводим в скобках современное географическое название.

Денежные величины приводятся в их современном эквиваленте. До 1892 г. в Австро-Венгрии использовались гульдены; когда в стране был принят золотой стандарт, на смену гульденам пришли кроны. Один гульден был равен 2 кронам. Курс императорской кроны в течение тех лет, что рассматриваются на страницах этой книги, колебался, но в среднем равнялся \$4–6 (2014 г.). Пересчет исторических ценностей на современные деньги нельзя считать очень точным, мы остановились на средних значениях, приняв, что в цифрах 2014 г. 1 гульден равен \$10, а 1 крона составляет \$5.

Введение

«Когда-то, давным-давно...» — так начинается эта сказка. Предприимчивый молодой принц, наследник трона своей страны, был очарован бедной молодой леди, чьи грация и красота покорили его сердце. Безнадежно попав к ней в плен, он выступает против воли своей семьи, которая считает его избранницу непригодной на место будущей королевы. Мелодрама «Вопреки всему» успешно развивается, и принц женится на своей возлюбленной. Возникшая идиллия двух юных сердец подвергается критическому суду, сплетники осуждают их поступки, циничный мир игнорирует и искажает их личные мотивы и стремления, за которые они так благородно сражались.

История любви эрцгерцога Австро-Венгрии Франца Фердинанда и графини Софии Хотек начинается втайне, торжествует в победе создания семьи и продолжает развиваться на фоне непроходящих невзгод. Во многом это, несомненно, отражение мифических элементов сказочной истории. Франц Фердинанд, очаровательный принц, рожденный для власти и славы, ищет запретной любви; графиня София Хотек — его Золушка, красивая, небогатая и, по мнению большинства, не совсем подходящий вариант для будущего правителя великой империи. Мачеха Франца Фердинанда, эрцгерцогиня Мария Тереза, выступает в роли доброй феи, поддерживая их роман перед лицом оппозиции Габсбургов; воинственно настроенная эрцгерцогиня Изабелла воплощает в себе злую мачеху, использующую труд Золушки для монотонной и унижительной работы. В принце Альфреде де Монтенуово (*Alfred de Montenuovo*), верховном лорде-камергере императорского двора, мы видим великана-людоеда, доставляющего мелкие неприятности изящной и решительной Софии. И как в любой хорошей сказке, герои обретают свое счастье, неверующая публика видит, как запретный роман становится явью.

Но реальная жизнь неожиданно разрушила эту воплотившуюся сказку летом 1914 г. Две пули, выпущенные девятнадцатилетним сербским националистом Гаврило Принципом (*Gavrilo Princip*) в Сараево, зачеркнули для Франца Фердинанда и Софии Хотек тот хеппи-энд, что обычно обещают нам романтические истории. «Объединившись в браке, они разделили одну судьбу» — гласила надпись на их саркофаге из белого мрамора. Вместе в смерти, как и в жизни, эта самая известная австрийская пара ушла в прошлое, как и иприт, позиционная война, пулеметы и подводные лодки того благополучного мира, который они знали.

С того рокового дня в Сараево прошел уже целый век. Какое другое событие, кажущееся случайным, на протяжении последнего столетия так повлияло на нашу современность? Эти две пули не только положили конец жизням Франца Фердинанда и Софии — они стали катализатором мировой войны и всех ужасов, которые вместе с ней последовали. Если бы не было Сараево, произошла бы русская революция, появились бы Советский Союз и нацистская Германия, случилась бы Вторая мировая война и холодная война? Эта пара смертей, произошедшая в воскресенье 1914 г., повлияла на всю мировую историю.

Почему же образы Франца Фердинанда и Софии предстают нам такими неуловимыми? Почему их личная жизнь и подлинные характеры остаются в тени? Возможно, это произошло благодаря самим Габсбургам. Франц Фердинанд происходил из гордой династии с богатым историческим наследием, которой не хватает гламура и скандала, как династии Романовых из загадочной России. Революция пришла в Россию вместе с кровавой мстостью; в Австрии Габсбурги ушли во мрак изгнания, никого об этом громко не оповестив. Романтическая ностальгия пронизывает историю Николая II, последнего царя, и его жены Александры. Но преданность, любовь и трагизм конца их австрийских современников даже превзошли их печальное убийство.

Надо сказать, что эрцгерцог Франц Фердинанд не очень подходил под образ сказочного принца: он был болен туберкулезом, отличался вспыльчивым, тяжелым характером и немногие любили его. При жизни он оставался загадочной личностью. Некоторые более молодые и менее консервативные люди и те, кто знал его более близко, отзывались об эрцгерцoge как о вдумчивом человеке с живым умом, способном выслушивать разные точки зрения. Францу Фердинанду было уже достаточно лет, чтобы думать и о стране, которую ему предстояло унаследовать, и о возможных путях разрешения многих существующих проблем, а не цепляться за пережитки традиции, как делал его дядя император Франц Иосиф. Он был полон решимости пойти на радикальные и драматические реформы. В силу своих склонностей Франц Фердинанд не был либералом, но он был достаточно умен, чтобы понимать идеи политической модернизации, необходимой для древней и разрушающейся империи. По мнению многих, если кто и мог спасти архаическую Австро-Венгерскую монархию, то это был эрцгерцог.

Но большинство современников были не так щедры, когда речь заходила о таинственном эрцгерцoge. Многие рассматривают его как удивительно жестокого, злого человека, «узкого мировоззрения», как жалуется одна принцесса, «с подозрительным, раздражительным и капризным характером», «фанатичной набожности» и с «агрессивным и фанатичным клерикализмом». Люди перешептывались, что, оказавшись на троне, он будет притеснять религиозные и этнические меньшинства и начнет двигаться назад в том мрачном направлении, что называется не иначе, как тирания. В значительной степени именно такой приговор ему вынесла история. Часто говорится, что Франц Фердинанд был человеком авторитарных склонностей, с милитаристскими призывами к войне, «реакционером», клоуном без личного обаяния, лишенным каких-либо положительных человеческих эмоций.

Все были поражены, когда этот отстраненный и суровый человек показал, что способен на настоящую любовь. Графиня София вела свое происхождение из известнейшего чешского аристократического рода. Она могла быть красивой и очаровательной, но императорский двор был одержим традициями и этикетом, и ее титул и происхождение не были достаточными, чтобы обеспечить равный брак с таким «недостижимым» существом, как эрцгерцог императорской династии Габсбургов. В один прекрасный день он должен был стать императором Австрии и королем Венгрии; она никогда не смогла бы разделить с ним престол из-за, как выразился Франц Фердинанд, «какой-то мелочи в ее генеалогическом древе».

Принцы и короли, как правило, находили способ обойти свои любовные затруднения. Николай II настоял на своей женитьбе на столь неподходящей для брака Александре; король Эдуард VIII был одержим разведенной американкой Уоллис Симпсон (*Wallis Simpson*), и даже дядя эрцгерцoga, император Франц Иосиф не обратил внимания на предубеждения его матери, женившись на незрелой и меланхоличной кузине Елизавете. Страсть, как правило, торжествует. В королевских любовных романах осторожность всегда идет рука об руку со страстью: несхожесть характеров или темпераментов сделала многие возможные браки несостоявшимися. Не так это было в случае с Софией. Причина выступления Габсбургской монархии против брака Франца Фердинанда и Софии Хотек была такой же монументальной, как и традиционной. Это были не сомнения в ее характере или поведении; императорский двор посчитал ее предков, которые на протяжении веков преданно служили Габсбургам, недостаточно знатными. Кризис королевских династий, распространившийся по всей Европе, заставил признать многие аристократические фамилии как равные королевским, если речь заходила о браке. Но это оказалось не так в случае с Хотеками. Они могли быть достаточно знатным родом, но недостаточно достойными, чтобы приблизиться к королевскому кругу.

И хотя эта «мелочь» встала на его пути, Франц Фердинанд сумел выстоять, не поддавшись ни мольбам, ни драматическим угрозам самоубийства. Когда же он наконец получил

разрешение жениться на своей графине, оказалось, что победа досталось ему чудовищной ценой. Брак был признан как морганатический, а София считалась неравной мужу. Она никогда не смогла бы разделить титулы ее мужа или его трон, а их дети должны были бы быть отстранены от наследования престола империи. Она даже не имела бы права быть похороненной вместе со своим мужем в фамильной венской крипте Габсбургов как не соответствующая ему по положению даже в смерти.

Такие обиды и несправедливость, а их было много за эти годы, принесли Софии чувство симпатии в широких слоях общества. Но в других кругах, включая членов императорской фамилии и Габсбургов, против нее плелись интриги и создавался образ властной и честолюбивой женщины, мечтающей в один прекрасный день примерить императорскую корону. Говорили, что на все решения эрцгерцога оказывает влияние «подстрекание его надменной жены», а знаменитая писательница Ребекка Уэст (*Rebecca West*) язвительно отзывалась о ней как об «ограниченной фурии», одержимой идеей, чтобы ее морганатических сыновей признали наследниками престола.

Истина несколько в другом. Если Франц Фердинанд и был действительно таким резким человеком на людях и у него не было желаний или способностей производить хорошее впечатление на своих подданных, то в личной жизни он был совсем другим. А все действительные амбиции Софии, похоже, заключались только в том, чтобы делать мужа счастливым и распространять свою любовь на дом и трех своих детей, Софию, Макса и Эрнста. Трудно избежать сравнения с жизнью более известной пары — Николая II и Александры. Время постепенно так идеализировало семью последних Романовых, что это стало больше походить на фантастику. Государственные заботы ограничивали время царя на общение со своими детьми, а его жена отличаясь болезненным здоровьем, все чаще страдала от затяжных болезней и была подвержена приступам меланхолии. С другой стороны, семейная жизнь Франца Фердинанда и Софии была наполнена любовью. Те времена были эпохой нянь и интернатов, но Софию, Макса и Эрнста обожали и баловали. Они присоединялись к родителям за трапезой, присутствовали даже при приеме самых важных и почетных гостей, были избавлены от конфликтов и тревог и полностью наслаждались всеми радостями, которые дарит детство. Жизнь была спокойной, лишенной измен и семейных горестей. Но мирные дни — это было не все, что им пришлось испытать.

Сегодня, когда мы оглядываемся на годы, предшествующие 1914 г., они представляются нам в романтическом ореоле. Складывается впечатление, что это были славные годы новых открытий и царящего мира. Но в действительности все обстояло несколько иначе. Начиная с 1860 г. все крупные державы приняли участие по крайней мере в одной войне; гонка вооружений, вторжения, революции и восстания стали обычным делом. Пятьдесят лет, предшествовавших золотому лету 1914 г., были свидетелями постоянного насилия. Убийства происходили повсеместно: в 1876 г. был убит султан Турции; в 1881 г. погибли американский президент Джеймс Гарфилд и царь Александр II, в 1894 г. — президент Франции Сади Карно, в 1896 г. — шах Персии, в 1897 г. — премьер-министр Испании, в 1898 г. — императрица Австрии, в 1900 г. — король Италии Умберто, американский президент Уильям Мак-Кинли — в 1901 г., в 1903 г. — сербские король Александр и королева Драга, в 1905 г. в России — великий князь Сергей Александрович, в 1908 г. — король Португалии Карлуш и его сын, наследный принц Луиш Фелипе; 1911 г. — премьер-министр Петр Столыпин, 1913 г. — король Греции Георг. В эти «золотые» годы мира королевские особы и политики гибли от взрывов бомб, от пуль и ножей.

Кульминацией череды этих политических убийств стали события в Сараево. Пожалуй, никто не ожидал того, что произошло. Но вся Европа словно была пронизана нарастающим беспокойством и готова была вспыхнуть от одной поднесенной искры. Канцлер Германии Отто фон Бисмарк пророчески предупреждал о том, что «на Балканах одновременно произо-

шел ряд чертовски глупых событий», которые рано или поздно погрузят всю Европу в разрушительную войну. Его предсказание сбылось летом 1914 г., когда убийство Франца Фердинанда и Софии в Сараево положило начало самой беспрецедентной бойне, которую когда-либо видел мир. «Никакое другое политическое убийство в современной истории, — писал Владимир Дедиджер (*Vladimir Dedijer*), — не имело столь судьбоносных последствий».

Как в случае с любым событием, которое является толчком к изменению хода человеческой истории, тот роковой день все еще рассматривается очень неоднозначно, является поводом для националистических толкований и окружен целым роем исторических заблуждений. Франц Фердинанд, как говорят, только временами отъезжал, чтобы наблюдать маневры армии в Боснии, так что его жена могла принимать приветствия людей. Вопреки какому-либо здравому смыслу, он настаивает на посещении Сараево 28 июня: это был День св. Вита, сербский национальный праздник в память о Битве на Косовом поле в 1389 г., когда незваный иностранный захватчик, в данном случае Османская империя, был вынужден оставить завоеванные земли, а власть его над Сербией ослабла. Многие говорили, что это выглядело так, словно бы Франц Фердинанд стремился сознательно спровоцировать антиавстрийских революционеров в недавно аннексированной Боснии. Эрцгерцог, настаивала писательница Ребекка Уэст, «сам спровоцировал свою судьбу, после своего бестактного и агрессивного посещения сербского фронта во время национального праздника».

Ничто из вышесказанного не было правдой. Мифы окружали жизнь Франца Фердинанда и Софии, и так же, как и сто лет назад, они продолжают окружать и события в Сараево. Францу Фердинанду не хотелось отправляться в поездку: он неоднократно пытался избежать той неприятной обязанности, но его дядя, император Франц Иосиф, заставил его поехать. Власти Сараево вынудили эрцгерцога согласиться на визит в столь взрывоопасную дату; чиновникам на месте, в Боснии, конечно, не хватило здравого смысла, когда они планировали этот приезд. Полученные предупреждения относительно безопасности семейной пары игнорировались; потенциальная угроза возможного покушения не рассматривалась и, таким образом, безопасность не была обеспечена.

Теория заговора всегда сопутствует переломным моментам истории, от судьбы великой княжны Анастасии и смерти президента Джона Кеннеди до террористических атак 11 сентября 2001 г. И не вызывает удивления тот факт, что убийство, ставшее толчком к началу Первой мировой войны, вызывает столько противоположных оценок и спекуляций. Не утихают споры о роли пресловутой группы «Черной руки» или соучастии сербского правительства в организации убийства. Уже достаточно долго ходят слухи, что в действие был приведен подлый план, явившийся результатом заговора верхушки австро-венгерской элиты, которая хотела убрать доставлявшего столько проблем эрцгерцога и его не менее проблемную, морганатическую супругу. Без сомнения, что были и те, кто содрогался от мысли о том, что Франц Фердинанд станет императором.

Планы эрцгерцога по реорганизации империи угрожали сложившемуся консервативному укладу. Несмотря на отречение эрцгерцога, многие опасались того, что он найдет способ возложить венец на свою морганатическую супругу и сделать ее императрицей, а ее старшего сына — наследником престола. Безусловно, были и те, кто искал лишь повод, чтобы развязать войну против той постоянной угрозы, которую представляла собой Сербия: что может быть лучше, чем спровоцировать какой-нибудь инцидент в Сараево, который был бы достаточным оправданием австрийской агрессии против Белграда?

Вопреки этой пугающей версии, собственная дочь Франца Иосифа, наследная принцесса Стефания, рассматривала другие причины произошедшего. Убийство в Сараево, настаивала она, должно заставить посмотреть в сторону другой опасности. Имелось в виду обвинение в произошедшем царской России. Сербия была самым сильным союзником России на Балканах, который мог оказать помощь в планах ликвидации Австрии. Согласно этой

версии, Россия боялась того, что Франц Фердинанд, вступив на престол, объединит разрозненных южных славян под флагом Габсбургов и, таким образом, остановит экспансию Романовых на Балканах. Таковы две основные версии, активно обсуждавшиеся после событий в Сараево.

Вопросы всегда будут оставаться, но неоспоримым является шок, наступивший после того сараевского дня. В первую неделю августа 1914 г. в Европе началась война, и если Франц Фердинанд и София стали ее первыми жертвами, то их трое детей оказались первыми ее сиротами. София, Макс и Эрнст пострадали от хаоса, последовавшего за убийством их родителей. Им предстояло пройти через все бедствия и ужасы, следовавшие за этим воскресеньем 1914 г. Война и революция, потеря дома и изгнание, бегство от армий захватчиков и пытки от рук жестоких диктаторов — все это стало нежелательными спутниками прогрессивного двадцатого века. Их трагическая история — отголосок участи миллионов людей, чья жизнь совместила в себе тяжелые потери с верностью и преданной любовью.

Все эти составляющие (запретный роман, счастливая семейная жизнь, борьба против репрессивной системы, убийство и окончательный триумф над темными невзгодами) превращают историю Франца Фердинанда, Софии и их детей в современную сказку, в которой большое и малое оказали влияние на жизнь сотен миллионов людей. Многие уже рассказывали историю эрцгерцога, и есть еще больше книг, посвященных убийству в Сараево. Проблема всегда состояла в предвзятости, так как многие авторы проецировали на Франца Фердинанда, Софию и террористов, повинных в их смерти, собственное тщеславие и националистические взгляды. Достаточно сложно пробиться сквозь ложные толкования, наслоившиеся в течение столетия. «Когда я приехала в Австрию, — рассказывает правнучка Франца Фердинанда и Софии, принцесса Анита фон Гогенберг, — я была еще молодой женщиной, и эрцгерцога тогда совершенно не понимали. Сейчас его образ все еще далек от истины, но мы пытаемся это изменить». А про Софию она рассказывала так: «Она была очень земным человеком. Очень веселой и очень преданной мужу и детям. Она была очень умиротворенной, спокойной, благочестивой и довольной своей жизнью».

Прорываться сквозь устоявшиеся стереотипы всегда сложно. Было несколько попыток представить объективный образ этой пары. В частности, книга *Gordon Brook-Shepherd «Victims at Sarajevo»* 1984 г. хотя и была в значительной мере посвящена политической карьере эрцгерцога, автор попытался объективно представить и жизнь этой пары, но часто приводил на ее страницах не соответствующие правде истории. Некоторые проблески истины встречаются и во многих других работах, посвященных Францу Фердинанду и Софии, но следующие из них выводы — крайне не однозначные.

Столетняя годовщина со дня убийства в Сараево призывает по-новому взглянуть на Франца Фердинанда и Софию. В нашей книге мы постарались дать приоритет личному над политическим, воскресить взаимоотношения этой пары и показать, как они относились друг к другу и к своим детям. Это история их любовного романа и брака; это также история о том, как их воспринимали простые люди и императорский двор, как к Францу Фердинанду и Софии относились на протяжении их жизни и как эти мнения часто не соответствовали реальности. И наконец, это история о трех их детях и о том, как повлияла на их судьбы смерть родителей.

Задача понять эту пару и изложить это на страницах книги не так проста из-за удивительно малого количества достоверной информации. Мы имели возможность ознакомиться со многими неопубликованными письмами и документами эрцгерцога в Австрийском государственном архиве в Вене, в том числе с перепиской Габсбургов, но это помогло прояснить только отдельные яркие моменты его частной жизни. Франц Фердинанд был хорошим писателем, и его частная переписка с кайзером Вильгельмом II, несомненно, дает ценную информацию относительно его брака. Мы обладаем многочисленными письмами от кайзера

к эрцгерцогу, к сожалению, письма эрцгерцога, адресованные монарху, просто исчезли. И несмотря на интенсивные поиски, ни одному историку пока не удалось их найти.

Что касается личной переписки между Францем Фердинандом и Софией, во многом дело обстоит не лучше. Мы знаем, что они часто писали друг другу как в те годы, что предшествовали моменту, когда их роман стал известен общественности, так и во время длительных переговоров с семьей на разрешение брака. Несомненно, переписка могла бы предоставить уникальную возможность понять их характеры, мысли и любовные отношения. Но Макс, возможно, желая сохранить образы своих родителей в неприкосновенности, уничтожил почти все эти письма. Дочери Франца Фердинанда Софии удалось сберечь некоторые остатки этой переписки, такие как отдельные записки и открытки, но сами любовные письма, по которым можно было бы составить представление об их взаимоотношениях, к сожалению, потеряны для истории.

Большинство королевских и аристократических особ той эпохи вели в юности личные дневники: это было и средством записи происходящих событий, и, что даже более важно для людей Викторианской эпохи, средством оценить то, как проходит их жизнь. К сожалению, для истории ни Франц Фердинанд, ни София не вели регулярных дневниковых записей. Несколько раз они предпринимали такие попытки, но в итоге отказались от них. В случае с эрцгерцогом единственный реальный дневник, которому посчастливилось сохраниться, посвящен его путешествию по миру в 1892–1893 гг. Впоследствии дневник был издан в виде книги очень ограниченным тиражом. На страницах этого дневника содержится очень мало мыслей эрцгерцога личного характера и ничего о романе с Софией, который в то время еще не начался. В свою очередь, София так и не приобрела привычку вести ежедневный дневник. Хотя она несколько раз и пыталась это сделать, но неизменно бросала, и в ее дневнике пропущены целые месяцы. Один из ее дневников, датируемый 1891 г., сохранился в семейном доме в Конопиште, Чешская Республика. К сожалению, в нем содержится только несколько обрывочных записей на французском и немецком, и со временем он также был заброшен.

Сохранились их записи, касающиеся тщательно оберегаемых личных взаимоотношений; отдельные письма и обращения к друзьям, родственникам и придворным, которые позволяют увидеть некоторые особенности характера эрцгерцога, брака и семейных отношений. Но София во многом до сих пор остается загадкой, по крайней мере в том, что касается ее чувств, надежд, радостей и разочарований. Очень немногие действительно близкие к Софии люди делились своими воспоминаниями о ней. Сохранилось совсем немного таких воспоминаний, лишенных влияния, которое оказала драма в Сараево, ведь после София была практически канонизирована. Даже их трое детей редко делились воспоминаниями о своих родителях.

В этой книге на основе архивных материалов, семейных историй, воспоминаний, статей в газетах того времени и других, порой расходящихся, источников мы попытались представить картину совместной жизни Франца Фердинанда и Софии. Порой из-за отсутствия писем и дневников изображение осталось удручающе туманным, но мы постарались избежать надуманности и излишних спекуляций. Наша история протянулась от блистательных чешских замков и венских дворцов до безжалостных ужасов фашистских концлагерей, от Викторианской эпохи до современности. Но главное в ней — хроника семьи, чьи триумфы и трагедии были не только отражением, но и причиной многих событий бурного двадцатого века.

Пролог. Вена, январь 1889 г.

Густой белый снег, кружась, падал с ночного неба по всей Вене, укрывая черепичные крыши и ложась мерцающими сугробами по краям широких бульваров. В предгорьях

Венского леса, в бассейне Дуная чинно и мирно дремали города. Сквозь ряды лип, обнаженных зимой, выстроившихся вдоль Рингштрассе (*Ringstrasse*), открывались завораживающие картины: неоготическая Ратуша, величественная Венская опера, огромные музеи с их марширующими колоннадами, тяжелый взгляд исподлобья неоклассического здания парламента, взметнувшиеся шпили кафедрального собора Св. Стефана и зеленые купола церкви Карлскирхе. Вена словно бы повисла между снежными сугробами и опаловыми небесами. Освещенная мерцающим призрачным светом фонарей, она выглядела солидно, respectfully и властно, как и положено столице великой империи.

На протяжении веков на театральных подмостках Вены главную роль играла династия Габсбургов, доминируя во всей Европе. Их власть распространялась от Альп до теплых вод Средиземного моря, от солнечного Триеста до темных и таинственных лесов Трансильвании, Чехии и границ царской России. Как ведущий католический королевский дом Европы, Габсбурги воевали, устраивали вторжения, заключали браки, чтобы объединить княжества и провинции под яростным двуглавым орлом на их флаге. Их слава была неоспоримой. На протяжении веков Габсбурги были императорами Священной Римской империи; они представляли королей для Испании и жен для европейских монархов. Среди их знатных предков были великий император Карл V и влиятельнейшая императрица Мария Терезия.

Влияние Габсбургов пошло на убыль после того, как Наполеон прокатился по всей Европе и поверг в прах Священную Римскую империю. Шаткая конфедерация немецких государств с осколками старых традиций и остатками династического могущества, на фоне частых восстаний и волны национализма. Только сорок лет прошло после революции 1848 г., когда Габсбурги чуть не потеряли Венгрию. Восстание в Будапеште удалось подавить только при помощи русских солдат. Двадцать лет спустя венгры встали на сторону все более сильной и милитаристской Пруссии в Семинедельной войне; поражение сил Габсбургов в битве при Кениггреце положило конец австрийскому господству и дало начало созданию непростого альянса. В ходе австро-венгерского соглашения 1867 г. Австрийская империя преобразовывалась в дуалистическую монархию Австро-Венгрия. Сохраняя за собой право пересматривать условия соглашения каждые десять лет, Будапешт постоянно добивался для себя новых уступок, все больше ослабляющих Вену, и казалось, что создание венгерской автономии в будущем неизбежно.

По крайней мере Венгрия оставалась доменом Габсбургов. К 1889 г. династия потеряла Тоскану, Парму, итальянские провинции Ломбардии и Венецию. Их империя была анахронизмом, пережитком предыдущей эпохи, «династической фантастикой», как было остроумно замечено. Черно-желтый флаг Габсбургов собрал около 50 миллионов людей разных народов: австрийские немцы, венгры, цыгане, итальянцы, румыны, моравы, поляки. Эти народы не были объединены общими связями, языками и национальностями; они не испытывали никакой верности Вене и многие все более стремились вырваться на свободу, как они считали — из-под гнета Габсбургов. С каждым годом казалось, что последние остатки былой силы ускользают из рук гордых Габсбургов. Оставалась правящая семья, закостеневшая в старых традициях; ее былая слава таяла с крушением монархий, слишком частыми кровосмесительными браками и все более явной тенденцией в семье к слабхарактерности.

Во главе этой противоречивой нации стоял Франц Иосиф I, император Австрии и Апостолический король Венгрии, король Чехии, Далмации, Хорватии, Словении, Галиции и Иерусалима; эрцгерцог Австрии; великий герцог Тосканы, Кракова и Трансильвании; герцог Лотарингии, Зальцбурга и Буковины. Его череда титулов говорила больше о прошлом, чем о современных реалиях. Расцвет сил императора был уже позади: когда-то лихой и стройный красавец Франц Иосиф стал лысеющим и слегка сутулившимся человеком, с пышными седыми бакенбардами и сонными голубыми глазами. Он был единоличным правителем большинства своих подданных: люди говорили о нем как о «всемогущем существе

высшего порядка, правящем за пределами человеческого понимания». Измученный постоянными восстаниями и уязвленный потерей былой власти, Франц Иосиф отступил в мир архаичной традиции, во вселенную бесконечных балов и кондитерских сладостей, в которой он мог игнорировать незнакомую и пугающую современную эпоху. Он ездил на автомобиле только один раз, при необходимом визите к королю Эдуарду VII; в возрасте 84 лет Франц Иосиф предпочитал пешком подниматься по лестнице на седьмой этаж, нежели пользоваться подозрительным современным лифтом.

Франц Иосиф I (1830–1916) — император Австрийской империи

Идея перемен была предана анафеме. Франц Иосиф предпочитал уйти в себя, закрыться и остаться со своими старыми взглядами. «Стена предрассудков ограждала императора от любых голосов политических деятелей, способных на самостоятельное мышление», — пишет один приближенный. «Кольцо придворных, военных и врачей» охраняло Франца Иосифа от неприятных взглядов и нежелательной реальности. «Бушующие потоки жизни нашего времени едва-едва достигали слуха нашего императора, подобно отдаленному шороху. Он отстоит от какого-либо реального участия в этой жизни. Он не хочет понимать настоящее, несмотря ни на что». Сохранение старого порядка — единственное, что имело значение: неприятные идеи игнорировались, оставаясь на долю преемника Франца Иосифа. Император с готовностью углублялся в мелкую бумажную работу и бюрократические тонкости, чтобы не оказаться лицом к лицу с серьезными проблемами. Он жил в мире абсолютных взглядов. Для Франца Иосифа, говорил один придворный, «существовали только однозначные понятия. Красивый и уродливый, мертвый и живой, молодой и старый, умный и